

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>

EDN: YAADPP

Research article / Научная статья

Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis

Olga V. SOKOLOVA   and Vladimir V. FESHCHENKO

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

 olga.sokolova@iling-ran.ru

Abstract

Poetic discourse, which engages the poetic function of language as a constitutive one, transforms the postulates of pragmatics of ordinary language. New poetic practices often represent a kind of pragmatic experiment: the effect of linguopragmatic parameters inherent in conventional communication is tested here on the borderline between the norm and the anomaly. The aim of this study is to identify the specific functionality of pragmatic markers in the condition of increased permeability between discourses and to explore the features of trans-discourse interaction of poetic language and colloquial speech in new media. The study is based on a corpus of poetic texts (3 million words), including Russian, English, and Italian subcorpora. It identified new communicative strategies of addressing and clusters of deictic, modal and discourse markers, grouped according to Jakobson's communicative model (Jakobson 1975). The study identified qualitative differences between the frequency of use of several units in poetic discourse and in colloquial speech. We considered various pragmatic strategies, referring not only to individual units, but also clusters of deictic, modal, and discourse words, etc. We found that Italian and Russian poetry uses discourse markers more often than American poetry. Differences in linguistic structure also affect the specifics of a pragmatic experiment. Thus, in American poetry, a pragmatic experiment often activates the syntactic level; in Russian poetry, experiments with word formation and modality are more frequent; in Italian poetry, the pragmatic experiment is often combined with the structural-syntactic one: pragmatic markers form "clusters" or "chains", when an increase in the density of use of units leads to an increase in the range of deviations from standard usage. The research based on the poetic corpus of texts contributes to the study of poetic discourse and corpus pragmatics.

Key words: *pragmatics, poetic discourse, colloquial speech, discourse markers, corpus*

© Olga V. Sokolova & Vladimir V. Feshchenko, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Sokolova, Olga V. & Vladimir V. Feshchenko. 2024. Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics* 28 (3). 706–733. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>

Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ

О.В. СОКОЛОВА , В.В. ФЕЩЕНКО

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

 olga.sokolova@iling-ran.ru

Аннотация

Поэтический дискурс, задействующий поэтическую функцию языка как конститутивную, производит трансформацию постулатов прагматики обыденного языка. Современные поэтические практики представляют собой зачастую своего рода прагматический эксперимент: действие лингвопрагматических параметров, свойственных конвенциональному общению (обыденной коммуникации), тестируется здесь на границе между нормой и аномалией. Цель данного исследования – выявить специфику функционирования прагматических маркеров в условиях повышенной проницаемости между дискурсами и определить особенности интердискурсивного взаимодействия поэтического языка и разговорной речи в новых медиа. Материалом исследования послужил корпус поэтических текстов (3 млн. слов), включающий три подкорпуса на русском, английском и итальянском языках. В центре внимания были новые коммуникативные стратегии адресации и субъективации, в качестве опорных единиц рассматривались не только отдельные прагматические маркеры, но и кластеры дейктических, модальных и дискурсивных маркеров, объединенные в группы на основании коммуникативной модели Р.О. Якобсона (1975). Общие выводы, сделанные на основании количественного анализа, связаны с различием в частотности употребления ряда единиц в поэтическом дискурсе и в разговорной речи. С точки зрения различий между языками, было выявлено, что некоторые единицы, например, дискурсивные маркеры, в итальянской и русской поэзии в целом используются чаще, чем в американской. Различия языкового строя влияют и на специфику прагматического эксперимента. Так, в американской поэзии прагматический эксперимент часто активизирует синтаксический уровень, в русской поэзии более частотны эксперименты со словообразованием и модальностью, в итальянской – прагматический эксперимент часто совмещается со структурным: прагматические маркеры образуют так называемые «скопления» или «цепочки», когда повышение плотности употребления единиц приводит к повышению диапазона отклонения от нормативного употребления. Полученные результаты вносят вклад в исследование поэтического дискурса и в такое малоразработанное, но перспективное направление современной лингвистики, как корпусная прагматика.

Ключевые слова: *прагматика, поэтический дискурс, разговорная речь, дискурсивные маркеры, корпус*

Для цитирования:

Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Т. 28. № 3. Р. 706–733. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>

1. Введение. Теоретические основания поэтической прагматики

В статье представлены результаты научного проекта, направленного на лингвистическое исследование прагматического измерения современной поэзии. Исследование представляет собой корпусно-дискурсивный анализ взаимодействия поэтического и обыденного дискурсов в условиях новых электронных медиа конца XX – начала XXI века.

Актуальность исследования обусловлена значительным интересом цикла гуманитарных наук в целом, и лингвистики в частности, к изучению языковых и дискурсивных процессов в условиях изменения канала передачи информации, которые охватывают вторую половину XX века, но развиваются особенно активно, начиная с 1990-х годов в связи с распространением Интернета. Развитие новых технологий оказывает влияние на общие изменения социальных институций и на жизнь общества. В связи с этим лингвистика все более интенсивно изучает проблемы интернет-коммуникации: новые формы общения в социальных сетях, определяемых интерфейсом и характеризующихся трансформацией всех коммуникативных параметров, начиная с доминирования канала передачи информации и включая трансформацию кода и ролей участников коммуникации (приватное – публичное, индивидуальное – социальное).

Основной целью исследования является разработка концепции интердискурсивного взаимодействия поэтического языка и разговорной речи в новых медиа, создающих условия для повышенной проницаемости между дискурсами. Для достижения поставленной цели в ходе исследования был реализован ряд задач, включающих формирование комплексного подхода, охватывающего лингвопрагматический, лингвопоэтический, дискурсивный и корпусный виды анализа; развитие концепции поэтической прагматики как области лингвистической прагматики; создание рабочего поэтического корпуса, состоящего из подкорпусов современных поэтических текстов 1960–2020-х годов на трех языках (русском, английском и итальянском); составление списка прагматических маркеров для осуществления дальнейшей разметки и аннотирования корпуса.

Прагматика как раздел семиотики, изучающий отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует, была выделена Ч.У. Моррисом в 1930-е годы под влиянием идей Ч.С. Пирса. Важнейшим прорывом в теории языка второй половины XX века стал перформативный поворот в философии языка и впоследствии в лингвистике, который явился, в свою очередь, очередным витком лингвистического поворота. В его основу легло понимание языкового высказывания как действия, меняющего обстоятельства мира и

коммуникации (в теории перформативов Дж. Остина и Э. Бенвениста, теории иллокуции Дж. Серля, теории кооперации Г.П. Грайса и др.). При этом оставалось непонятным, как трактовать перформативность и прагматическое измерение за пределами обыденного языка, в частности в языке художественном (поэтическом). Теория Дж. Остина уже спустя несколько десятилетий вдохновила исследователей (главным образом литературоведов и философов) на изучение речевых актов в литературе (Derrida 1988, Sell 1991, Hillis Miller 2001). Отдельно стоило бы отметить работу британского исследователя К. Грина, посвященную проблеме дейксиса в поэтическом тексте (Green 1992). В когнитивной поэтике дейксис рассматривается как один из способов репрезентации знания. Так, П. Стокуэлл разделяет текстовый дейксис и когнитивный дейксис (Stockwell 2002). Первый отвечает за связность самой формы представления знаний в художественном тексте, а второй – за те фреймы, которые формируют знания на содержательном уровне высказываний. Теория дейктических сдвигов (*Deictic shift theory*) моделирует общее восприятие читателя, «погружающегося» в литературный текст, как того читателя, который занимает определенную познавательную позицию внутри мысленно конструируемого мира текста. Развивая идеи о поэтике конверсационного анализа, Г. Джефферсон впервые вводит эту область исследования в лингвистику (Jefferson 1996), что получает развитие в наше время в коллективной монографии, посвященной преодолению разрыва между конверсационным анализом и поэтикой (Person, Wooffitt & Rae 2022). Необходимо также отметить отдельные публикации, направленные на анализ конкретных дискурсивных маркеров преимущественно в классических литературных текстах (Bonifazi 2009, Dardano 2012, Schoonjans 2014).

Предпринимаемое в нашем проекте исследование методологически восходит к ставшим классическими подходам в лингвопрагматике (Leech 1983, Levinson 1983, Sperber & Wilson 1986, Новое в зарубежной лингвистике 1985, Verschueren 1999). Лишь в самое последнее время ученые стали обращаться к большим корпусным данным для изучения прагматических маркеров и стратегий в разных видах дискурса (Aijmer & Rühlemann 2014, Rühlemann 2019). Однако, насколько нам известно, исследования прагматических параметров, их маркировки в корпусах и специфики их функционирования в поэтическом дискурсе до сих пор не предпринималось.

Несмотря на многочисленные определения «прагматических маркеров» (*pragmatic markers*), в современной лингвистике до сих пор не было сформулировано универсального термина и обобщающего определения¹. В целом, существует более узкое понимание «прагматических маркеров» как «дискурсивных маркеров» (Fraser 2009, Aijmer & Simon-Vandenberg 2011, Beeching 2016 и др.), т. е. единиц, которые обладают интерактивной и метаязыковой функциями, а также способностью структурировать дискурс.

¹ Обзор терминов и определений см., например, в (Brinton 2017: 2–3).

В более широком понимании, термин «прагматические маркеры» представляет собой гипероним, обозначающий общую группу прагматических единиц, охватывающих отдельные подгруппы (дейктические и дискурсивные маркеры, иллокутивные и модальные глаголы и др.). Более широкая классификация прагматических маркеров представлена в одном из первых подступов к этой проблеме (см. Fraser 1996), среди современных исследований этот подход развивают (Богданова-Бегларян и др. 2019). Ориентируясь на употребление термина «прагматические маркеры» как зонтичного по отношению к более частным группам маркеров, мы также исходим из классификаций прагматических маркеров, предложенных в (Leech 1983, Levinson 1983). Хотя в этих классических исследованиях термин «прагматические маркеры» не используется, в них представлены списки прагматических явлений, включая дейксис, разговорные импликатуры, пресуппозиции и речевые акты (Levinson 1983); пропозиции, импликатуры, перформативы и иллокутивные глаголы (Leech 1983).

Основываясь на определении С. Левинсоном «прагматики», которая «охватывает как контекстно-зависимые аспекты структуры языка, так и принципы использования и понимания языка», т.е. «взаимосвязь языковой структуры и принципов ее использования» (Levinson 1983: 9), можно предложить определение прагматических маркеров как единиц, которые выполняют коммуникативные и метаязыковые функции, выражают отношение говорящего к содержанию высказывания, а также обладают способностью ссылаться на контекст высказывания, структурировать дискурс и участвовать в организации интеракции.

2. Поэтический язык и обыденная речь в эпоху новых медиа: корпусно-дискурсивное исследование

Наше исследование посвящено аспектам взаимодействия обыденного языка и поэтического дискурса (далее – ПД) с точки зрения лингвопрагматики. Мы исходим из того, что в новейшей поэзии² задействуется прагматический арсенал повседневной речи и часто он подвергается трансформациям, что порождает продуктивные отклонения от прагматических максим обыденной коммуникации.

Напряжение между поэтическим и обыденным употреблением высказывания как предложения можно проиллюстрировать, обратившись к известному одностроку В. Брюсова, созданному в конце XIX века. Обратим внимание, в какой форме оно появилось впервые на страницах его сборника стихов: *О закрой свои бледные ноги*. Изначально Брюсов пробовал разные варианты, но в итоге напечатан был именно такой: без знака препинания после *О*, кото-

² Вслед за Ю.Б. Орлицким (Орлицкий 2020), под «новейшей поэзией» мы понимаем инновационную поэзию последних десятилетий (от 1960-х до наших дней).

рое, соответственно, функционирует не как междометие, а как частица, выражающая эмоциональное состояние говорящего, высокую степень удивления, восхищения или недовольства (ср. *О боже!*; *О какой синяк!*) (Шимчук, Щур 1999: 102), и с точкой вместо восклицательного знака. Этот моностих произвел не только шок на тогдашних читателей, но еще и был аномален по языковой оформленности, поскольку здесь эмоциональная частица сопровождается вполне нейтральной пунктуацией. Вместо патетического обращения и восклицания, традиционного для поэзии, эта строчка нарушает сразу два синтаксических ожидания и будто бы переходит в сниженный, почти разговорный регистр. Брюсов словно заигрывает с обыденностью столь деликатного объекта, как «открытые ноги» и снимает поэтичность имплицитного обращения. В этом примере частица *О* выступает как прагматический маркер, колеблющийся, как и положено поэтическому знаку, между смыслами обращения и эмоционального возбуждения. Подобного рода нарушения коммуникативных ожиданий, производивших шок сто с лишним лет назад, в современном поэтическом дискурсе кажутся скорее чем-то нормальным, особенно под влиянием сервисов мгновенных сообщений.

Наш интерес к поэзии в новых медиа вызван именно новыми способами взаимодействия поэтического и повседневного высказывания в рамках коммуникации. Лингвистика все более интенсивно изучает проблемы интернет-коммуникации: новые формы общения в социальных сетях, определяемых интерфейсом и характеризующихся трансформацией всех коммуникативных параметров, начиная с доминирования канала передачи информации и включая трансформацию кода и ролей участников коммуникации (приватное – публичное, индивидуальное – социальное). «Переключение» современного общения в формат онлайн-коммуникации, которое усилилось в эпоху пандемии 2020–2021 гг., реализуется в переходе различных дискурсов в виртуальное пространство. Наблюдается трансформация поэтических платформ, перекодировка из формата «бумажных» носителей в цифровую среду. Эта тенденция реализуется в области поэтических (рост количества поэтических онлайн-журналов, блогов, пабликов в соцсетях) и критических практик (критико-поэтические блоги и телеграм-каналы, например, «Метажурнал»). Кроме того, интернет-пространство подразумевает формат «открытой» семиотической структуры, включающей постоянно обновляемый контент, возможность коммуникативного перехода (*turn-taking*) между автором сообщения (поэтического текста) и адресатами (пользователями сети); сам же текст оказывается открыт комментариям, в том числе метапоэтическим (см. подробнее о новых коммуникативных форматах современной поэзии в (Соколова 2024, Feshchenko & Sokolova 2023, Самостиенко 2024)).

Основной научной задачей стал анализ особенностей прагматики новейшего поэтического дискурса, вступающего в активное взаимодействие с обыденным языком в эпоху новых медиа, для чего мы предприняли корпусно-дискурсивный анализ, состоящий из нескольких этапов.

3. Общий ход исследования

Для достижения поставленной задачи – проведения корпусно-дискурсивного анализа прагматического измерения в современной поэзии – были совмещены квалификативный и квантитативные методы исследования. В целом, анализ включал составление корпуса, формирование списка прагматических маркеров (далее – ПМ) и аннотирование корпуса, т.е. проведение внутренней разметки ПМ. Далее рассмотрим эти этапы подробнее.

3.1. Первый этап: составление корпуса (включая метаразметку, или тэггинг текстов)

Был составлен поэтический корпус (далее – ПК)³ (около 3 млн слов), включающий три подкорпуса на русском, английском и итальянском языках (по 1 млн слов в каждом). В ПК вошли тексты с конца 1960-х по 2020-е гг., опубликованные на бумажных носителях и на онлайн-платформах (в пабликах, соцсетях или личных блогах), а также включающие экспериментальные авторские онлайн-проекты. Такой широкий охват связан с тем, что в корпус вошли несколько подгрупп поэтических текстов, соответствующих разным периодам:

1. **Поэтические тексты 1970–1980-х гг., написанные под влиянием «перформативного поворота».** Хотя эти тексты были созданы раньше, чем произошло распространение новых медиа, их языковые и структурные особенности позволяют обозначить их как «предшественников» поэзии, реализуемой в интернет-пространстве. В частности, в эту группу вошли тексты американских «Языковых поэтов» («Language poets»): Б. Уоттена, Ч. Бернстина, Л. Хеджинян и др.; итальянского неоавангардного объединения «Группа 63» («Gruppo 63»): А. Джулиани, Э. Пальярани, Н. Балестрини, Э. Сангвинети и др.; «Московских концептуалистов»: Всев. Некрасова, Д.А. Пригова, Л. Рубинштейна и др.; русскоязычного неоавангарда: Г. Айги, В. Сосноры, Е. Мнацакановой, а также А. Драгомощенко и др.

2. **Поэтические тексты, написанные в период с 1990-х по 2020-е гг.,** представляют основной объект анализа. Сюда вошли авторы, которые являются активными «онлайн-пользователями»: Л. Рубинштейн, А. Скидан, Д. Давыдов, П. Арсеньев, Р. Осминкин, Ч. Бернстин, Т. Вильямс, С. Стрикланд, М. Люзебринк, М. Янкелевич, Е. Осташевский, Дж. Фонтана, Л. Воче, Д. Полетти, Е. Галли и др.

В таблице 1 представлен пример метаразметки поэтических текстов обеих подгрупп, с 1970-х по 2020-е годы, включающей имя автора, название

³ Данные из поэтического подкорпуса НКРЯ не привлекались, так как он сформирован по другим критериям. Учитывая, что современная итальянская и англоязычная (в частности, американская) поэзия написана преимущественно в форме свободного стиха, при отборе материала русскоязычной поэзии мы руководствовались критерием подобия по типу стихосложения.

и формат текстов (антология, книга, подборка), год/дата издания, язык (в том числе многоязычные книги и тексты), издание или ссылку и объем слов.

Таблица 1. Метаразметка поэтических текстов /
Table 1. Metatextual information of poetic texts

№ №	АВТОР	НАЗВАНИЕ	ФОРМАТ (антология/ книга/ подборка)	ГОД / ДАТА	ЯЗЫК	ИЗДАНИЕ / ССЫЛКА	ОБЪЕМ (к-во слов)
РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОРПУС (общий объем около 1 млн. слов)							
11	Агамалова Л.	Вдоль мысли тела	Книга	2019	Рус.	Харьков: kntxt	29263
22	Арсеньев П.	То, что не укладывается в голове	Книга	2006	Рус.	AnnaNova	1254
33	Айги Г.	Здесь: Избран- ные стихотво- рения. 1954—1988	Книга	1991	Рус.	Современ- ник	17415
44	Бельский С.	Дружеские беседы с роботами	Книга	2024	Рус.	Ozolnieki: Literature Without Borders	24981
27	Улунов Г.	Ключевые слова	Подборка	2020	Рус.	https://greza. space/klyuch evye-slova/	2830

3. «Гибридные» тексты, к которым относятся сообщения поэтов, публикуемые в Интернете и характеризующиеся промежуточным статусом – это «записи», «заметки» или «посты» поэтов, написанные «на границе» между поэтическим и обыденным высказыванием в период 2000-х–2020-х гг. Некоторые из этих текстов позже были опубликованы на бумажных носителях: в журналах или в виде книг, например, «Лит.ра. Избранные фб-записи» (2017) А. Скидана, «Кладбище с вайфаем» (2020) и «Бегущая строка» (2024) Л. Рубинштейна.

К таким «пограничным» поэтическим высказываниям, представленным в формате заметок («постов») в социальных сетях, относятся, например,

- (1) *31 марта / жили у бабуси / три веселых гуссерля / «Кризис европейских наук»* (А. Скидан);
- (2) *это стихотворение написано в метро / с помощью нового телефона / купленного, чтобы работать в одной / организации, всю дорогу / залипал в телефон, этого не одобряет / Андрей Тавров и, возможно, Ален Бадью / в последнее время я очень просто живу* (В. Гагин).

В целом, в группу «гибридных» текстов вошли три подгруппы текстов, исходя из тех интерфейсов (интернет-площадок), на которых они были опубликованы: 1) тексты в социальных сетях (около 25 тыс. слов), 2) в авторских Telegram-каналах (около 30 тыс. слов) и 3) арт- и медиапроекты (30 сайтов).

Общий объем подкорпуса составил около 55 тыс. слов. При аннотировании подкорпуса «гибридных» текстов были добавлены параметры, указывающие на формат (пост в социальных сетях, пост в “Telegram”, “Twitter”, “X” и др.) и наличие комментариев к посту (сообщений в социальных сетях, которые оставляют читатели) в виде знака “+” (табл. 2).

Таблица 2. Метаразметка «гибридных» текстов /
Table 2. Metatextual information of “hybrid” texts

№	АВТОР	НАЗВАНИЕ “+” – если пост с комментариями	ФОРМАТ (пост в сс/ пост в тг/ твит.)	ГОД / ДАТА	ЯЗЫК	URL	ОБЪЕМ (к-во слов)
11	Давыдов Д.	людоедство почему-то считается... +	пост в сс	27 май 2021	Рус.	https://www....	2035
22		Стансы +	пост в сс	22 мая 2021	Рус.		
33		(я больной, мне можно глупости писать) +	пост в сс	30 янв 2022	Рус.		
115	Осьминкин Р. (Осьминкин Р.)	звонила тетя маша родная мамаина сестра... +	пост в сс	30 мая 2021	Рус.	https://www...	9157
116		дождь снаружи и внутри... +	пост в сс	24 мая 2021	Рус.		

Для исследования специфики функционирования прагматических маркеров в поэтическом дискурсе на фоне их конвенционального употребления мы обращались к соответствующим корпусам (и подкорпусам) разговорной речи и текстов из сети интернет: НКРЯ (Национальный корпус русского языка, устный подкорпус⁴, около 13 млн слов); KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano⁵, около 1 млн слов), GloWbE (Global Web-based English⁶, около 1,9 млрд слов).

3.2. Второй этап: формирование списка прагматических маркеров (ПМ)

При составлении списка ПМ и работе с корпусом первоочередное внимание при составлении было уделено показателям, релевантным для анализа

⁴ <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggKMAE%3D>

⁵ <https://kiparla.it/il-corpus/>

⁶ <https://www.english-corpora.org/glowbe/>

языковых явлений на трех языках, учитывая различие их строя (аналитические и синтетические), ввиду чего были отобраны следующие единицы: дейктики, дискурсивные маркеры, показатели модальности, выраженные глаголами или модальными предикативами и пр.

Для удобства работы со списком прагматических маркеров и дальнейшего квалификативного анализа полученных данных все маркеры были систематизированы с опорой на функциональную модель Р.О. Якобсона (Якобсон 1975): были выделены прагматические параметры, соответствующие коммуникативным факторам адресанта, адресата, канала, кода и контекста. Прагматические параметры, соотносимые с коммуникативным фактором *адресанта*, соответствуют эмоционально-экспрессивной функции (иллокутивные глаголы; личный, или персональный дейксис; показатели модальности), коммуникативный фактор *адресата* – соответствует конативной функции (репликовые дискурсивные маркеры), *канала* – фатической функции (интерперсональные дискурсивные маркеры), *кода* – метаязыковой функции (метатекстовые дискурсивные маркеры) и *контекста* – референтной, или коммуникативной, функции (временной дейксис; пространственный дейксис; дискурсивные маркеры отношения к действительности).

3.3. Третий этап: лингвистическое аннотирование (проведение внутренней разметки корпуса)

На основании разработанной классификации лингвопрагматических параметров была проведена разметка корпуса с учетом соответствующих индексов (например, 111 – ассертивы, 12 – маркеры личного дейксиса и т.п.). Учитывая специфику материала (поэтический дискурс, для которого характерно отклонение от языковой нормы, установка на лингвокреативность и принципы экспериментальной работы с языковыми данными), для выделения аномальных случаев употребления ПМ были введены специальные индексы отклонения от нормы, которые могут дополнять основной показатель. В случае аномального употребления в скобках после всех индексов указывается (А). Например, 111(А). Кроме того, тип аномалии может быть уточнен при более глубоком аннотировании (П – прагматическая, С – синтаксическая и др.), а у отдельных индексов могут быть дополнительные указатели: In (Indirect) – у речевых актов, Sh – (Shift) – у дейктиков, которые могут добавляться к аномальному употреблению: 111 (А, П, In), 21 (А, Sh).

Приведем в качестве примера часть списка прагматических маркеров, относящихся к группе «Коммуникативный фактор адресанта», которые служат для выражения эмотивной, или экспрессивной функции, и к которым относятся речевые акты и перформативные глаголы, маркеры личного дейксиса и показатели модальности. Всем маркерам приспаны соответствующие индексы, адаптированные для работы с корпусом и его лингвистического аннотирования:

11 – Речевые акты. Прямые РА (формальные свойства соответствуют иллокутивной силе глаголов)

111 – Ассертивы (констативы, репрезентативы): *говорить, сказать, утверждать, заявлять, уверять, предсказывать, сообщать, рассказывать, докладывать, извещать, осведомлять, информировать, признавать, допускать, напоминать, свидетельствовать, подтверждать, удостоверять, доказывать, признаваться, предполагать, догадываться, констатировать, выдвигать гипотезу, клясться, настаивать; speak, say, state, explain, assert, claim, describe, tell, insist, suggest, conclude, report; parlare, dire, affermare, spiegare, asserire, affermare, descrivere, raccontare, insistere, suggerire, concludere, riferire);*

112 – Директивы (побуждение): *просить, предписывать, требовать, приказывать, предлагать, ходатайствовать, побуждать, подстрекать, склонять, соблазнять, умолять, советовать, рекомендовать; order, command, dare, defy, challenge, require, direct, instruct, request, urge, authorize, appeal, warn; chiedere, prescrivere, esigere, ordinare, offrire, incoraggiare, indurre, incitare, persuadere, sedurre, supplicare, pregare, consigliare, raccomandare);*

113 – Комиссивы (обязательство): *обязываться, обещать, угрожать, соглашаться, отказываться, предлагать, присягать, ручаться; promise, threaten, intend, vow, refrain from, bet, swear, reject, pledge, offer, accept; promettere, minacciare, accettare, rifiutare, offrire, suggerire, giurare, garantire);*

114 – Декларативы (установление положения дел): *объявлять, провозглашать, утверждать, санкционировать, приговаривать, нарекать, сдаваться, благословлять; declare, proclaim, authorize, sentence, give up, bless, fire, bid, baptize; dichiarare, proclamare, approvare, sanzionare, condannare, benedire);*

115 – Экспрессивы (эмоционально-психическая позиция): *извиняться, поздравлять, благодарить, хвалить, сожалеть, соболезновать, приветствовать; congratulate, thank, deplore, condole, welcome, apologize; scusarsi, congratularsi, ringraziare, lodare, rimpiangere, salutare).*

111/112/113/114/115(In) – Косвенные РА (формальные свойства не соответствуют иллокутивной силе, например, просьба, выраженная в форме вопроса: *Не передадите ли мне соль?*).

12 – Маркеры личного (персонального) дейксиса (*я, мой, моя, моё, меня, мне, ты, твой, твоя, твоё, тебе, мы, наш, наша, наше, нас, нам, вы, ваши, ваша, ваши, вам, вас, он, она, оно, они, его, ее, их, всякий, каждый, любой, кто-то, кто-либо, кто-нибудь, что-то, что-либо, что-нибудь, все, никто, некто, ничто, нечто, это, этот, этого, этому, этим, этом, эта, этой, эту, эти, этих, этими, то, того, тому, тем, том, те, тех, тем, теми; I, me, myself, my, mine, we, us, our, ourselves, you, yourself, yourselves, your, yours, he, his, himself, she, her, herself, they, themselves, their, anyone, anybody, everyone, everybody, someone, somebody, something, anything, nobody, nothing, this, these,*

that, those; io, mi, me, tu, ti, te, noi, ci, voi, vi, lui, egli, lo, gli, lei, ella, la, se, si, loro, li, ognuno, ciascuno, tutto, tutti(e), qualcuno, nessuno, qualcosa, questo, questa, questi, queste, quel, quello, quella, quei, quegli, quelli, quelle, lo, ne);

12(Sh) – Дейктический сдвиг, «мы инклюзивное» и пр.

13 – Дискурсивные маркеры отношения к содержанию собственного высказывания (*к счастью, к несчастью, на беду, к сожалению, удивительно, примечательно, увы; fortunately, unfortunately, alas, happily, I'm happy to tell, I'm sorry to tell; per fortuna, purtroppo, meravigliosamente, inverosimile, notevolmente*) и т.д.

Поскольку главной целью проекта было не составление корпуса, а проведение анализа изменений ПД в условиях новых медиа, для решения этой задачи помимо аннотирования корпуса был разработан пошаговый комплексный анализ составленного корпуса, включающий промежуточные этапы, реализованные в виде количественного, квалификативного и сопоставительного количественного анализа.

4. Результаты

Результаты исследования представлены в виде поэтапного анализа, охватывающего количественные подсчеты употребления выбранных единиц, их качественный анализ и сопоставление употребления прагматических маркеров в поэтическом дискурсе и разговорной речи.

4.1. Количественный анализ

Основной задачей на этом этапе был подсчет общих данных по количеству употреблений всех прагматических маркеров в корпусе, для достижения чего была проведена автоматическая и ручная обработка ПК с помощью программы AntConc. Это позволило подсчитать общее количество употреблений каждой прагматической единицы (общее количество проанализированных ПМ – 1043), входящей в общий список маркеров.

В результате была составлена рабочая таблица 3, содержащая следующие данные: индекс, группа ПМ, ПМ и количество употреблений на английском, итальянском и русском языках.

Таблица 3. Количество употреблений ПМ в ПК /
Table 3. Overall distribution of pragmatic markers in the poetic corpus

№	Группа ПМ	Английский		Итальянский		Русский	
1111	иллокутивные глаголы (перформативы) ⁷ : ассертивы (репрезентативы)	say	190	dire	323	говорить	406

⁷ Наряду с «эксплицитными» (или «явными», «чистыми») перформативами, выраженными в форме глагола изъявительного наклонения настоящего времени активного залога (например, *Я объявляю вас мужем и женой*) (Остин 1986: 117–118), исследователи выделяют также

№	Группа ПМ	Английский		Итальянский		Русский	
1112	директивы	dare	4	pregare	35	просить	38
1113	комиссивы	swear	9	giurare	20	обещать	11
112	маркеры личного дейксиса	I	13537	mi	3166	я	10445
		you	7755	io	2322	ты	4212
		we	5539	ti	2150	мы	3338
1131	эмоциональные дискурсивные маркеры	oh	141	oh	312	ах	237
		ah	24	ah	133	боже (мой)	56
1132	дискурсивные маркеры отношения к содержанию собственного высказывания	alas	8	perfortuna	24	увы	60
		unfortunately	2	purtroppo	12	к сожалению	17
1142	модальные глаголы и предикативы	can	2366	potere	1178	можно	737
		could	1203	volere	574	надо	692
221	реактивные дискурсивные маркеры	no/nope	487	no	510	нет	822
		yes/yeah/yeah	310	sì	212	да	420
222	дискурсивные маркеры привлечения внимания (аттрактивы)	(let's) say	51	sai	104	знаешь	65
		hey	44	allora	25	видишь	26
223	дискурсивные маркеры-показатели вежливости	please	79	ciao	22	прости(те)	125
		thank you/thanks	39	grazie	16	спасибо	81
442	дискурсивные маркеры противопоставления	however	4	tuttavia	60	однако	104
551	маркеры временного дейксиса	now	1532	sempre	1019	всегда	650
		never	865	mai	890	никогда	506
552	маркеры пространственного дейксиса	here	1082	qui	1261	здесь	1125
		there	708	lì	365	тут	609
553	дискурсивные маркеры соотносительности с действительностью	maybe	253	forse	615	конечно	327
		perhaps	244	infatti	134	может быть	250
		of course	81	davvero	125	возможно	153

«косвенные» (или «имплицитные», «скрытые») перформативы, которые выражают дополнительные значения помимо того, что они непосредственно означают (например, *Не могли бы вы передать мне соль* или *Курить запрещено*) (Сёрль 1986: 196). Однако при аннотировании корпуса мы учитывали в качестве иллокутивных глаголов только те формы, которые соответствуют диалогическому режиму высказывания (1-е и 2-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени), исключая повествовательную форму 3-го лица.

Отбор ПМ, релевантных для дальнейшего качественного анализа ПК

Из общего списка всех ПМ в корпусе были выделены 150 единиц (по 50 – в каждом языке), которые представлялись наиболее релевантными для дальнейшего качественного анализа в силу таких критериев, как высокая частота и специфичность (под которой понимается аномальность, учитывая лингвокреативную установку ПД) употребления. Поскольку при отборе учитывался критерий специфичности данной единицы для ПД, были отобраны все глаголы говорения⁸, а также единицы из не слишком распространенных групп, которые характеризуются высокой прагматической нагрузкой в современной поэзии, направленной на внешнего адресата, типа интерактивных дискурсивных маркеров. Так, среди наиболее частотных единиц в ПК были выделены: в русскоязычной поэзии: *говорить* 1073, *сказать* 551, *ну* 601, *можно* 537, *возможно* 232, *хотеть* 565, *нет* 290 и др.; в англоязычной поэзии: *speak* 595, *say* 3328, *tell* 942, *require* 489, *somebody* 889 и др.; в италияязычной поэзии: *parlare* 865, *dire* 1846, *allora* 346, *dovere* 331, *no* 539, *cioè* 128 и др.

4.2. Кваликативный анализ

На данном этапе был проведен качественный анализ отобранных единиц, включающий составление «портрета» каждой единицы и сведение всех данных в общую таблицу, отражающую специфику аномального употребления прагматических единиц в поэтическом дискурсе.

«Портрет» единицы представлял собой файл, составленный для каждой из отобранных 150 единиц, в который были включены все контексты с ее вхождениями в ПК (иногда, как в случае с такими частотными единицами, как иллокутивные глаголы говорения типа *говорить*, *сказать*, контексты систематизировались и выписывались исходя из специфичности их функционирования, т.е. среди схожих контекстов выбирались наиболее показательные). В «портрете» указывался сам ПМ, источник контекста с вхождением единицы (автор и название текста), а также тот тип аномалии, который она выражала в контексте: прагматическая (П), синтаксическая (С) или графическая (Г).

Приведем в качестве примеров «портреты» единиц на русском, английском и итальянском языках с несколькими контекстами.

⁸ Подчеркнем, что специфичность глаголов говорения (*говорю*, *кричу*, *шепчу* и др.) как особого вида перформативных глаголов обусловлена, с одной стороны, избыточностью их употребления в контексте, а с другой – расширением их функционирования по сравнению с остальными перформативными глаголами.

Портрет единицы «ГОВОРИТЬ»

(3) *Контекст:*

я говорю⁹ о

о твои жерла

я опую эту свою жажду

я воскурю жертвенное без жертвы

как это уже было однажды

Источник: Е. Костылева «Cosmopolitan»

Тип аномалии: П, Г, С.

В примере (3)¹⁰ повтор перформативной глагольной формы осуществляется по принципу параллелизма (*говорю, опую*), что обозначает выведение единицы в фокус поэтического высказывания. Употребление глагола *я говорю* в форме «эксплицитного» перформатива сопровождается нарушением управления, что приводит к повышению семантической неопределенности высказывания и усложнению семантики не столько полнозначных слов (черта, характерная для поэтического языка в целом), сколько повышению функциональной нагрузки прагматических единиц.

В данном примере усложнение графики и эллипсис именной группы позволяет расширить сферу функционирования единицы *о*, которая может выступать в роли предлога¹¹, частицы и междометия. Эллипсис субстантивной формы после *о*, с одной стороны, выводит эту единицу в сильную позицию конца строки, а с другой, не позволяет однозначно интерпретировать ее как предлог (*я говорю о*), актуализируя другие потенциальные функции *о* как частицы и междометия, которые невозможно однозначно верифицировать в силу отсутствия пунктуации (восклицательного знака, кавычек, точки). Это, в свою очередь, позволяет интерпретировать *я говорю* с точки зрения теории речевых актов как контекст, который реализуется не в нарративном, а в диалоговом режиме.

Вместо пунктуационных знаков индексом навигации в тексте становится графика, которая позволяет прочесть строку как по горизонтали, так и по вертикали (*я говорю о твои жерла*). Однако и такое прочтение не приводит к снятию смысловой неопределенности: формально повторяясь, *о* может функционировать и как частица, и как междометие, и как предлог с эллипсисом существительного, что подчеркивает сфокусированность поэтического

⁹ Здесь и далее выделение полужирным в поэтических примерах – авторов статьи, если не указано иное.

¹⁰ В статье мы приводим развернутый анализ русскоязычных примеров, который отражает внутреннюю работу с контекстами по выявлению «аномальных» и «неаномальных» случаев употребления ПМ в ПК. В «портретах» единиц эти объяснения не были эксплицированы в силу ограниченности объема. С этой же целью мы не приводим развернутый анализ в «портретах» англо- и италияязычных единиц в статье.

¹¹ Подобного рода явления были исследованы преимущественно на материале предлогов, когда «сокращение элементов синтаксической структуры приводит к расширению и усложнению семантики слов, маркирующих позицию, остающуюся незамещенной» (Николина 2009: 140), но до сих не были подробно рассмотрены на прагматическом измерении языка.

эксперимента на множественности векторов, которые могут быть потенциально развиты конструкцией с перформативным глаголом и прагматической единицей *о*.

- (4) *Контекст:*
я вам говорю, говорю, барабаню, слышу, «цветут»
и есть одно и то же. я **говорю отрядами цветы**,
растущие из пропустившей кожи
Источник: Н. Скандиака «[12/7/2007]»
Тип аномалии: П, С.

Нарушение логико-семантической связи в контексте (4) *говорю отрядами цветы* приводит к тому, что он может быть интерпретирован как косвенный перформатив, например: *я говорю <сделать / сажать> отрядами цветы*.

- (5) *Контекст:*
не пиши стихов, **говорю**, не пиши стихов / не пиши прогуливаясь по
бульвару
Источник: Д. Давыдов «Сегодня, нет, вчера»
Тип аномалии: П, Г, С.

Поскольку в поэтическом тексте, для которого характерна автокоммуникация (по Ю.М. Лотману)¹², любой перформатив направлен в том числе и на самого отправителя, контекст (5) может пониматься как иллокутивное самоубийство: *говорю, не пиши стихов*.

- (6) *Контекст:*
я говорю / будь проклят этот дом / будь проклята каждая стена этого
дома
Источник: М. Малиновская
Тип аномалии: —.
В примере (6) глагол *говорю* совмещается с императивом *будь*, что соответствует его нормативному употреблению.

Портрет единицы «THANK YOU»

- (7) *Контекст:*
Rather just **I think Thank you** tangles on your way to the door
the tendency therefore I'm **for continuity**
Источник: В. Benson “TUUMBA 31”
Тип аномалии: П, Г, С.
- (8) *Контекст:*
THANK YOU
I AM GOING
UNDER THE TRAIN
Источник: S. Roggenbuck “Live My Lief”
Тип аномалии: П, Г, С.

¹² См. об этом с точки зрения семиотики и лингвистической эстетики (Feshchenko 2023).

- (9) *Контекст:*
Thank you
I apologize
The cars were in the way
And the trees are
Источник: С. Harryman “SUE IN BERLIN”
Тип аномалии: П, Г.
Контекст:
- (10) Her form takes shape, as she rises silently in bright blue, motionless, sunlit.

Thank you for showing yourself, fulfilling a deep longing within my deep memory.
Источник: М.-М. Berssenbrugge «A Treatise on Stars»
Тип аномалии: —.
- Портрет единицы «CIAO»**
- (11) *Контекст:*
ormai, sono una sbarra
obliqua, e metto, in mezzo, un meno (:-/):
e adesso, **CIAO**: non ti internetto,
non ti chatto più (ripeto: **CIAO e CIAO**): GRIDO IL SILENZIO, MUTO
Источник: E. Sanguinetti “Il gatto lopesco”
Тип аномалии: П, Г, С.
- (12) *Контекст:*
L’ora del giorno, incerta un poco colma
o piuttosto il luogo distaccato dai rimorsi, in una incerta
ombra, distaccato dalla buriana ossessiva,
la giuliva felice **voce di addio ciao**
0 R. che (un attimo). . . dimenticato, al mio cuore . . .
Источник: R. Roversi “Le costumanze politiche”
Тип аномалии: П, С
- (13) *Контекст:*
che è viva nei gesti della vita quotidiana, **nelle parole quotidiane (come ciao,**
pane, fica, grazie mille): (come quelle che ti trovi graffite dentro i cessi,
spraiate sopra i muri, tra uno slogan e un altro, abbasso, viva):
Источник: E. Sanguinetti “Il gatto lopesco”
Тип аномалии: —.

Далее полученные данные были сведены в общую таблицу, отражающую специфику аномального употребления ПМ в ПД, которая включала следующие показатели: ПМ, общее количество употреблений и типы аномалий (табл. 4).

Таблица 4. Частотность аномального употребления ПМ в ПК /
Table 4. Frequency of anomalous use of pragmatic markers in the poetic corpus

ПМ	количество	Типы аномалий		
		Прагматические	Синтаксические	Графические
РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПОДКОРПУС				
говорить	406	138	48	35
просить	38	12	8	2
обещать	11	3	1	0
АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ПОДКОРПУС				
thank you	39	16	7	1
hello	24	9	5	0
please	79	21	14	3
ИТАЛОЯЗЫЧНЫЙ ПОДКОРПУС				
ciao	22	10	7	5
per fortuna	24	7	3	1
purtroppo	11	3	2	0

Приведенные в таблице данные позволили сделать вывод о том, что отклонения от речевой конвенции при употреблении ПМ регулярно запускают языковые эксперименты на других уровнях. Далее мы подробнее рассмотрим этот и другие выводы, сделанные в результате корпусно-дискурсивного анализа.

Выявление основных типов аномалий и подсчета их частотности в ПК дало возможность перейти к реализации поставленной изначально задачи по изучению особенностей употребления прагматических маркеров в ПД на фоне их использования в обыденном языке на материале разговорных национальных корпусов.

4.3. Сопоставительный количественный анализ

Количественные показатели по 150 прагматическим единицам из ПК были сопоставлены с данными разговорных национальных корпусов (НКРЯ, GloWbE и KIParla) через расчет корреляции употребления единиц на 1 млн слов (табл. 5), что позволило сопоставить количественные данные по частотности употребления ПМ в поэтическом языке и в разговорной речи.

Таблица 5. Частотность употребления ПМ в ПК и национальных корпусах /
Table 5. Frequency of use of pragmatic markers in the poetic corpus and national corpora

ПМ (РУС)	ПК (РУС)	НКРЯ	ПМ (АНГЛ)	ПК (АНГЛ)	GloWbE	ПМ (ИТАЛ)	ПК (ИТАЛ)	KIParla
спасибо	81	656	thank you	39	115	grazie	16	501
привет	43	171	hi	26	58	ciao	22	184
(и) вообще(-то)	146	214	in general	4	32	in generale	8	36
следовательно	20	24	therefore	83	175	generalmente	5	10
с одной стороны	36	80	on the one hand	1	8	da una parte	10	52

ПМ (РУС)	ПК (РУС)	НКРЯ	ПМ (АНГЛ)	ПК (АНГЛ)	GloWbE	ПМ (ИТАЛ)	ПК (ИТАЛ)	KIParla
с другой стороны	70	111	on the other hand	10	52	d'altra parte (dall'altre parte)	45	37
тем не менее	36	147	perhaps	244	204	al contrario	12	10
например	277	583	for example	74	177	per esempio	73	331

5. Обсуждение результатов корпусно-дискурсивного анализа

В целом, изменение коммуникативных условий высказывания в новых медиа-интерфейсах последних десятилетий часто выступает триггером для языкового эксперимента в поэзии, в силу чего можно говорить об активизации **прагматического эксперимента** в поэзии в новых медиа. Учитывая интенсивность практик коммуникации, в поэзии выявляется эксперимент в области реализации коммуникативных стратегий, выражаемый разными ПМ.

Актуализация прагматического измерения часто запускает **параллельную аномализацию на уровнях семантики, грамматики и синтаксиса**. Можно рассмотреть взаимодействие прагматики с разными языковыми уровнями на примере активизации синтаксических и морфо-деривационных процессов в поэтических текстах.

Парцелляция, будучи конструкцией экспрессивного синтаксиса, характерна как для разговорной речи, так и поэтического языка в целом, например,

(14) *В руки возьму! Чтоб не смела вертеться в кругу! / Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!* (М. Цветаева);

(15) *Вот то, что нам с тобой дано. / Надолго. Навсегда. До гроба* (И. Бродский),

но в современной поэзии в качестве парцеллятов регулярно выступают не лексические единицы, а прагматические маркеры. Выделение ПМ в качестве пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков выражает взаимодействие поэтического высказывания с разговорной речью и охватывает разные языковые уровни:

(16) **Не нужно.** Прекрасно помню про волосы. Бежать, шипы кизила (А. Драгомощенко);

(17) *Кому это? Тем, кто не выбрался? Следовательно — куда?* (А. Драгомощенко);

(18) *Барьер скожкано просекой / – волосок не. Нельзя* (А. Дарин);

(19) *(немного:) анонимной анатомии (*ламинированной* /! — вениками из листьев. / где надо* (Н. Скандиака).

Неконвенциональное употребление прагматических маркеров может происходить параллельно с активизацией словообразовательных инноваций, что приводит к актуализации разных значений единицы – как части слова,

и как ПМ (*мол-* в функции ксенопоказателя; *gia-* – неверное написание итал. *già*):

(20) <говорила>, *мол* / чанием своим (И. Краснопер);

(21) *bello parlando di / se siva avanti così se / ma dimentica non dirlo / avanza sporco gia / lo prima che tutto non / ntando la primi* (N. Balestrini)

По результатам исследования были сделаны выводы, касающиеся всех вошедших в корпус групп ПМ. Рассмотрим подробнее особенности функционирования иллокутивных глаголов говорения и дискурсивных маркеров. На общем фоне невысокой частотности употребления **иллокутивных глаголов** в ПК особенно часто употребляются глаголы говорения (*говорить, say, tell, dire, parlare* и др.). Частотность их употребления в ПД отражает характерную для поэзии установку на саморефлексию.

Например,

(22) *я вам говорю, говорю, барабаню, слышу, «цветут» / и есть одно и то же. я говорю отрядами цветы, / растущие из пропустившей кожи <...> я говорю, насколько белые цветки мне позволяют / говорить, мешают, дышать, шшш* (Н. Скандиака);

(23) *Am I not bound, I guess, (I say to myself) to regard him tenderly, / to concentrate on the man's trunk instead of his face, which in this case, / is so impassive* (L. Scalapino);

(24) *I say I have said / here, you will say I* (C. Coolidge) и т.д.

Что касается **дискурсивных маркеров**, во всех трех языках более частотно употребление интерперсональных маркеров (таких как *да, нет, привет, пока* и др.), что выражает интенцию на повышенное вовлечение адресата в интеракцию. Метатекстовые маркеры употребляются реже, но оказываются в фокусе языкового эксперимента и метаязыковой рефлексии. Например, маркер вывода *итак*, которой регулярно встречается в середине текста и характеризует нарушение логической последовательности действий, например, в сочетании с фазовым глаголом *начинать*:

(25) *Не обнять / Небытие. / Прошлое и будущее // Итак, начинаю стихотворение, / Подложив том Гессе под бумагу-/ Влагу* (В. Филиппов)

Метатекстовые маркеры логической организации высказывания регулярно участвуют в прагматическом эксперименте по нарушению логических операций, например, каузальной связи (*следовательно, quindi, therefore*):

(26) Он бросил собаку что неожиданно

Собака ест птицу **следовательно**

Она парит в воздухе *kua kai he kuli emanu*

Ты съешь собаку без перевода (А. Драгомошенко)

В примере (26) причинно-следственные отношения нарушаются, поскольку отсутствует связь между пропозициями, соединенными единицей *следовательно*. Более того, постановка *следовательно* в конце строки и

строфы может подразумевать обрыв высказывания, когда этот фрагмент (*Он бросил собаку что неожиданно / Собака ест птицу следовательно*) выступает в роли отдельной пропозиции, второй компонент которой сокращен и синтаксически, и логически. Здесь эллипсис именной группы приводит к расширению функций прагматического маркера (как в рассмотренном выше примере «я говорю о»), а нарушение синтаксических связей в поэтическом тексте может быть понято как эксперимент по выявлению границ логических связей в языке.

Схожий прием отклонения от нормативной сочетаемости за счет эллипсиса глагола-сказуемого (*il passato e quindi il pensato* ‘прошлое и потому мыслимое’) встречается в следующем примере:

- (27) *il passato e quindi il pensato*
il passato in quanto corrisponde alla parola
il pensato in quanto corrisponde alla parola
il pensato che va in direzione opposta (M. Zaffarano)

Такая неполнота, характерная в большей степени для разговорной речи, позволяет повысить экспрессивность высказывания. В примере (27) она дополняется нарушением логической связи между двумя частями конструкции, соединяемыми дискурсивным маркером *quindi*, который более характерен для научного дискурса и используется для обозначения логического следствия из сказанного ранее. Однако в данном контексте две части предложения не обладают прямой логической связью: *il passato* ‘прошлое’ и субстантивированная форма с определенным артиклем *il pensato* в значении философской категории ‘мыслимое’.

Логико-семантический сдвиг в сфере эпистемической модальности с помощью нарушения каузальных отношений наблюдается в примере (28):

- (28) I do not know English, and **therefore** I can have nothing to say about this latest war, flowering through a night-scope in the evening sky (M. Palmer).

Отказ от самовыражения мотивируется незнанием языка (*have nothing to say*), что имеет также значение ‘отсутствие собственной позиции’. Более того, такое высказывание семантически схоже с иллюкутивным самоубийством, поскольку субъект отрицает собственный акт речи¹³.

Таким образом, метаязыковые дискурсивные маркеры регулярно выступают в роли не «коннекторов», а «дисконнекторов»¹⁴, становясь маркерами прагматического эксперимента по выявлению границ логических связей в языке через возможности понимания сообщения адресатом. Эти единицы

¹³ Ср. с глаголами говорения, которые содержат семантический компонент, разрушающий иллюкутивную цель (*лгать, ругать, льстить* и др.), поскольку нельзя обмануть, сказав *я лгу* (Вендлер 1985: 240–241).

¹⁴ Подробнее об особенностях функций дискурсивных слов в поэтическом тексте см. (Соколова 2019).

также реализуют характерную для ПД метаязыковую рефлексивную во взаимодействии с аргументативным дискурсом.

Наряду с общими чертами поэтической прагматики в трех анализируемых языках выделены и **различия**, характерные для них. Например, в русской и итальянской поэзии дискурсивные маркеры используются в целом чаще, чем в американской, что связано с более развитой системой этих единиц в русском и итальянском языках. Различия языкового строя влияют и на специфику прагматического эксперимента.

Так, для англоязычной поэзии наиболее характерен эксперимент с синтаксисом (в силу фиксированного порядка слов) (29) и с грамматическими конструкциями (30):

(29) *Suddenly photograph speak I* (R. Silliman);

(30) *To what we never knew / Nor will, nor who, nor say* (Ch. Bernstein).

«Сгущение» синонимичных единиц также подтверждает установку на синтаксический эксперимент в англоязычной поэзии:

(31) *But but. <...> Yet the narrative of / shadow crosses the garden, cool and damp. Nonetheless, those two guys in /that parked Buick have just got to be narcs* (R. Silliman).

В русскоязычной поэзии (по сравнению с англо- и италияязычной) более частотны эксперименты со словообразованием (20), (32) и (33):

(32) *да-да-нет* (Вс. Некрасов);

(33) *антида и антинет* (Вс. Некрасов)

и с изменением модальности. В условиях взаимодействия прагматики с разными языковыми уровнями большое значение имеет модальность как пограничная зона между семантико-синтаксическим и прагматическим измерениями. Так, в примере (34) сферой действия показателя эпистемической модальности *возможно* оказывается и смысл как семантическая категория, и область фонового знания адресата:

(34) *в горячем / просыпающемся? — возможно — смысл? — тобою окруженный / как прахом — некой сущности? — возможно / невдомой тебе самой?* (Г. Айги).

В примере (35) эллипсис именной группы перед аккузативной формой личных местоимений (*меня и тебя*) расширяет область интерпретации отношения говорящего к ситуации, когда в сферу модификации показателя модальности попадают субъект и адресат, существование которых оказывается под вопросом:

(35) *возможно, меня и тебя станет чувством, понятием, пониманием, смыслом, значением, ощущением или множеством sensus смыкаются через раз* (Л. Агамалова).

Поскольку итальянский язык относится к языкам pro-drop, в которых нормативно опускаются личные местоимения, в италяязычной поэзии распространён эксперимент с дейксисом, когда личные местоимения не только сохраняются, но и выделяются графически:

(36) *io sia colui che "io" / "io" dire, almeno, può, nel vuoto, / può, nell'immenso scotoma, / "io", più che la pietra, la foglia, il cielo, "io"* (A. Zanzotto);

(37) *Io | era | naufragio* (N. Cagnone).

В итальянской поэзии прагматический эксперимент часто совмещается со структурно-синтаксическим: ПМ образуют т.н. «скопления» или «цепочки» (термины, введенные К. Баццанеллой для анализа ПМ в разговорной речи (Bazzanella 2015: 40)), когда повышение частотности употребления единиц приводит к расширению диапазона отклонения от нормативного употребления:

(38) *verso un colloque-dialogue, «sessualità e creatività»): «segue, nel genere gesto mancato, ancora, immediato, il medicamento pagato e dimenticato (dunque, via via, / la guancia che si gonfia), e precedono le scarpe nuove troppo strette, appena, abbandonate* (E. Sanguineti).

Дейксис как одна из основных категорий прагматики традиционно изучалась в рамках теории перформативности с точки зрения проявления субъекта высказывания в его речевом действии. О функциях шифтеров в поэтическом языке высказывался Вяч. Вс. Иванов, приводя случаи дейктического выражения категории «определенности-неопределенности». Если в своих работах он отмечал возросшую роль дейксиса в поэзии XX века, которая сосредоточена на «выражении личности поэта в минуту самого акта поэтической речи» (Иванов 1979: 106), то в рамках нашего исследования удалось не только верифицировать эту гипотезу с учетом корпусных данных, но и рассмотреть динамику, связанную с повышением роли прагматики в языке новейшей поэзии. Учитывая концепцию местоименной поэтики как преимущественно лирико-поэтической разновидности дейксиса И.И. Ковтуновой, согласно которой «дейктические местоимения в поэтических текстах, устанавливая точку зрения воспринимающего, создают образ восприятия мира» (Ковтунова 1986: 26), мы расширяем сферу поэтической прагматики, вводя в нее другие прагматические параметры (перформативные глаголы, дискурсивные маркеры, показатели модальности и др.)

В этом направлении были предприняты некоторые конкретные исследования форм присутствия субъекта в поэтическом высказывании. На базе постулатов лингвистической прагматики С.Т. Золян формулирует теорию поэтической прагмасемантики (Золян 2014). В частности, он рассматривает показатели модальности в текстах классической поэзии и поэзии начала XX века, в то время как в нашем исследовании рассматриваются прагматиче-

ские явления, характерные для новейшей поэзии, развивающей экспериментальную традицию. О выдвижении в современной поэзии на первый план прагматики и дейксиса пишут О.И. Северская (Северская 2018) и другие исследователи (Фещенко 2018а, 2023, Соколова, Захаркив 2021). Проанализированный в настоящей статье обширный материал поэтического дискурса демонстрирует, какие именно прагматические средства языка в целом и конкретных национальных языков (русском, английском, итальянском) получают смысловую нагрузку в реализации поэтической функции.

6. Заключение

Предложенный в данной статье подход позволяет выявить механизмы трансформации коммуникативных стратегий и языковых средств выражения в новых технологических условиях, определяющих динамику как в социальной сфере (обыденная речь в Интернете), так и в области языкового эксперимента (современная поэзия в эпоху новых медиа). Отклонения от нормы в обыденном языке в Интернете (в чатах и соцсетях) осуществляются с целью достижения эффективной коммуникации, в то время как в ПД проводится прагматический эксперимент с точки зрения как языковой, так и коммуникативной.

Употребляя ПМ, современные поэты выводят в фокус метаязыковую функцию высказывания и делают поэзию площадкой прагматического эксперимента, в который вовлекаются разные прагматические параметры: дискурсивные маркеры, дейктики, показатели модальности и др. Если в предыдущие периоды (модернизм и авангард первой половины XX века) поэзия экспериментировала в большей степени с лексикой и синтаксисом¹⁵, то в последнее время более активным измерением поэтического эксперимента выступает прагматика. Значение прагматических маркеров варьируется в зависимости от контекста, поэтому они также обладают свойством интерактивности и вовлечения адресата (читателя) в поэтическую коммуникацию.

В целом можно заключить, что эксперимент с прагматикой поэтического высказывания – черта новейшей поэзии на разных языках в последние десятилетия. Истоки таких экспериментов восходят к перформативному повороту 1960-х годов в области философии, лингвистики и художественной практики. В частности, поэты начинают экспериментировать с коммуникативной средой поэтических текстов (карточки Л. Рубинштейна, перформансы трансфуристов и концептуалистов, лингвоцентричная поэзия в США и Европе). В последние три десятилетия поэтический дискурс реагирует на распространение новых коммуникативных медиа – персональные компьютеры, мобильная связь, Интернет, социальные сети и мессенджеры – посредством еще большей фокусировки на прагматических средствах языка.

¹⁵ По данным проведенного исследования одним из авторов статьи: (Фещенко 2018б).

В условиях устно-письменной интернет-коммуникации в поэзию, с одной стороны, легко проникают паттерны и элементы повседневной речи, и с другой – метапоэтическая рефлексия направляется на прагматический языковой эксперимент, при котором диалектика коммуникативных конвенций и их нарушений часто становится триггером поэтических новаций.

Финансирование и благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00522) в Институте языкознания РАН.

Acknowledgements

The research is funded by grant № 22-28-00522 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Список литературы / References

- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»* / под ред. В. П. Селегей. Вып. 18 (25). 2019. С. 72–85. [Bogdanova-Beglaryan, Natalia V., Olga V. Blinova, Grigoriy Ya. Martynenko, Tat'yana Yu. Sherstinova, Kristina D. Zaydes, Tatiana I. Popova. 2019. Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom rechevom korpuse: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty (Annotating pragmatic markers in the Russian speech corpus: Problems, searches, solutions, results). In Vladimir P. Selegey (ed.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* 18 (25), 72–85. (In Russ.)].
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 238–250. [Vendler, Zeno. 1985. Illocutionary suicide. In Elens V. Paducheva (ed.), *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 238–250. Moscow. (In Russ.)].
- Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: URSS, 2014. [Zolyan, Suren T. 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta (Semantics and Structure of Poetic Text)*. Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Иванов Вяч. Вс. Категория определенности-неопределенности и шифтеры // Категория определенности-неопределенности в славянских и балтийских языках. М.: Наука, 1979. [Ivanov, Vyacheslav Vs. 1979. *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti i shiftery (The category of certainty-uncertainty and shifters)*. In Tat'yana M. Nikolaeva (ed.), *The category of definiteness-indeterminacy in the Slavic and Baltic languages*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. [Kovtunova, Irina I. 1986. *Poeticheskiy sintaksis (Poetic Syntax)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009. [Nikolina, Natalia A. 2009. *Aktivnyye protsessy v yazyke sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury (Active Processes in the Language of Contemporary Russian Fiction)*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Новое в зарубежной лингвистике / сост. Н.Д. Арутюнова. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. [Arutyunova, Nina D. (ed.). 1985. *Novoe v*

- zarubezhnoy lingvistike Vol 16 (*New in Foreign Linguistics*). Moscow: Progress. (In Russ.).
- Орлицкий Ю.Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. М.: Языки славянской культуры, 2020. [Orlitskiy, Yuriy B. 2020. *Stikhoslozhenie noveyshey russkoy poezii (Versification of Modern Russian Poetry)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
- Остин Дж. Л. Слово как действие / пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. Вып. XVII. С. 22–130. [Ostin, John L. 1986. *How to do things with words. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. XVII. 22—130. (In Russ.).
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Языки русской культуры, 1985. [Paducheva, Elena V. 1985. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (The Statement and its Correlation with Reality)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).
- Самостиенко Е.В. Технологическая метафора и коммуникативные модели в новейшей русскоязычной поэзии Слово.ру: Балтийский акцент. Т. 15. № 2. 2024. 160–179. [Samostienko, Evgeniya V. 2024. *Technological Metaphor and Communicative Models in Contemporary Russian Poetry. Slovo.ru: Baltiyskiy Aktsent* 15 (2). 160–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-2-10>
- Северская О.И. «Субъект» современной поэзии как прагматическая переменная // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь и Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. С. 185–194. [Severskaya, Olga I. 2018. «Sub"ekt» sovremennoy poezii kak pragmaticheskaya peremennaya (The “subject” of modern poetry as a pragmatic variable). In Henrike Shtal & Ekaterina Evgrashkina (eds.), *The subject in modern Russian-language poetry – theory and practice*, 185–194. Berlin: Peter Lang. (In Russ.).
- Сёрль Дж. Косвенные речевые акты / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. Вып. XVII. С. 195–222. [Searle, John R. 1986. *Indirect speech acts. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov* XVII. 195–222. (In Russ.).
- Соколова О.В. Новые технологии и прагматические техники в современной поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. №2. С. 81–97. [Sokolova, Olga V. 2024. *New technologies and pragmatic techniques in Contemporary Poetry. Slovo.ru: Baltiyskiy Aktsent* 15 (2). 81–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-2-5>
- Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду. Язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. [Sokolova, Olga V. 2019. *From Avant-Garde to Neo-Avant-Garde: Language, Subjectivity, Cultural Transfers*. Moscow. (In Russ.).
- Соколова О.В., Захаркив Е.В. Креативная прагматика поэтического дискурса // *Критика и семиотика*. 2021. № 2. С. 88–106. [Sokolova, Olga V. & Ekaterina V. Zakharkiv. 2021. *Creative pragmatics of poetic discourse. Kritika i semiotika*. 2. 88–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-2-88-106>
- Фещенко В.В. Дейксис как присутствие субъекта в поэтическом тексте: теоретические подходы // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии. Berlin: Peter Lang, 2018a. С. 157–169. [Feshchenko, Vladimir V. 2018a. *Deixis kak prisutstvie sub"ekta v poeticheskom tekste: teoreticheskie podkhody (Deixis as the presence of the subject in a poetic text: Theoretical approaches)*. *Sub"ekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii*. Berlin: Peter Lang. 157–169. (In Russ.).
- Фещенко В.В. Литературный авангард на лингвистических поворотах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018b. [Feshchenko, Vladimir V. 2018b. *The Linguistic Turns of the Literary Avant-Garde*. Saint-Petersburg: the European University in St. Petersburg Press. (In Russ.).

- Фещенко В.В. Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // *Слово.ру: Балтийский акцент*. № 2. 2023. С. 49–66. [Feshchenko, Vladimir V. 2023. Experimental deixis in the space of poetic text. *Slovo.ru: Baltiyskiy Aktsent* 2. 49–66. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-2-3>
- Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Берлин: Peter Lang, 1999. [Shimchuk, Emma G. & Marina G. Shchur. 1999. *Slovar' russkikh chastits* (Dictionary of Russian particles). Berlin: Peter Lang. (In Russ.)].
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231. [Jakobson, Roman O. 1975. *Linguistics and Poetics. Strukturalizm: «za» i «protiv»*. Moscow: Progress. 193–231. (In Russ.)].
- Aijmer, Karin & Anne-Marie Simon-Vandenberg. 2011. Pragmatic markers. In Jan Zienkowski, Jan-Ola Östman & Jef Verschueren (eds.), *Discursive pragmatics*, 223–247. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/hoph.8.13aj>
- Aijmer, Karin & Christoph Rühlemann (eds.). 2014. *Corpus Pragmatics. A Handbook*. Cambridge University Press.
- Bazzanella, Carla. 2015. Segnali discorsivi a confronto. In Margarita B. Zuloaga & Sonia G.J. Ferary (eds.), *Dati e teoria, un percorso integrato. Les marqueurs du discours dans les langues romanes: une approche contrastive*, 35–46. Limoges: Lambert-Lucas.
- Beeching, Kate. 2016. *Pragmatic Markers in British English: Meaning in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonifazi, Anna. 2009. The pragmatic meanings of some discourse markers in Homer. In Elisabeth Rieken & Paul Widmer (eds.), *Pragmatische kategorien: Form, funktion und diachronie. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft von 24. Bis 26. September 2007 in Marburg*, 29–36. Wiesbaden: Reichert.
- Brinton, Laurel J. 2017. *The Evolution of Pragmatic Markers in English: Pathways of Change*. Cambridge University Press.
- Dardano, Maurizio. 2012. Segnali discorsivi della prima poesia italiana. In Barbara Wehr & Nicolosi Frédéric (eds.), *Pragmatique historique et syntaxe – Historische Pragmatik und Syntax: Actes de la section du même nom du XXXI e Romanistentag allemand – Akten der gleichnamigen Sektion des XXXI. Deutschen Romanistentags (Bonn, 27.9.–1.10.2009)*, 47–68. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Derrida, Jacques. 1988. *Limited Inc*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Feshchenko, Vladimir & Olga Sokolova. 2023. Visualising Deixis in Avant-Garde and Contemporary Poetry “On and Off the Page”. In Magdalena Korecka & Wiebke Vorrath (eds.), *Poetry and Contemporary Visual Culture / Lyrik und zeitgenössische Visuelle Kultur*, 49–72. Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783111299334-003>
- Feshchenko, Vladimir V. 2023. Artistic communication as an object of semiotics and linguistic aesthetics. *Sign Systems Studies* 3–4. 565–603. <https://doi.org/10.12697/SSS.2023.51.3-4.04>
- Fraser, Bruce. 1996. Pragmatic markers. *Pragmatics* 6 (2). 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>
- Fraser, Bruce. 2009. An account of discourse markers. *International Review of Pragmatics* 1. 293–320. <https://doi.org/10.1163/187730909X12538045489818>
- Green, Keith. 1992. *A Study of Deixis in Relation to Lyric Poetry*. Sheffield: University of Sheffield.
- Hillis Miller, Joseph. 2001. *Speech Acts in Literature*. Stanford: Stanford University Press.
- Jefferson, Gail. 1996. On the poetics of ordinary talk. *Text and Performance Quarterly* 16 (1). 1–61.
- Leech, Geoffrey N. 1983. *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Levinson, Stephen C. 1983. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Person, Raymond F., Robin Wooffitt & John P. Rae (eds.). 2022. *Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics. Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson*. New York and London: Routledge.
- Rühlemann, Christoph. 2019. *Corpus Linguistics for Pragmatics: A Guide for Research*. London and New York: Routledge.
- Schoonjans, Steven. 2014. Zu den französischen Entsprechungen der deutschen Modalpartikeln *ja* und *doch* in literarischen Texten. *Neuphilologische Mitteilungen* 115 (4). 401–424. <https://doi.org/10.1080/00393274.2013.780219>
- Sell, Roger D. (ed.) 1991. *Literary Pragmatics*. London; N.Y.: Routledge Revivals.
- Sperber, Dan & Deirdre Wilson. 1986. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
- Stockwell, Peter. 2002. *Cognitive Poetics. An Introduction*. London: Routledge.
- Verschueren, Jef. 1999. *Understanding Pragmatics*. London: Edward Arnold.

Article history:

Received: 19 July 2024

Accepted: 29 August 2024

Bionotes:

Olga V. SOKOLOVA is Dr. Habil. in Philology, Senior Researcher at Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Yuri Stepanov Centre for Theory and Practice of Communication. Her research specialises in the theory of discourse, linguistic pragmatics and poetics, and the language of political, advertising and avant-garde texts.

e-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Vladimir V. FESHCHENKO is Dr. Habil.; Leading Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Yuri Stepanov Centre for Theory and Practice of Communication. His research focuses on theoretical linguistics, poetics, semiotics and avant-garde poetry.

e-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>

Сведения об авторах:

Ольга Викторовна СОКОЛОВА – доктор филологических наук, старший научный сотрудник, отдел теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова, Институт языкознания РАН. Научные интересы: дискурсивный анализ, лингвопрагматика, лингвопоэтика, корпусная лингвистика, междискурсивное взаимодействие, язык политических, рекламных и авангардных текстов.

e-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Владимир Валентинович ФЕЩЕНКО – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова, Институт языкознания РАН. Научные интересы: теория языка, семиотика, лингвистическая поэтика, лингвопрагматика, история лингвистических идей.

e-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>